

УДК 821.161.1.09-94

ДВЕ НЕЯСНОСТИ В БИОГРАФИИ ПУШКИНА

Ю. М. Никишов

Тверской государственной университет
кафедра истории русской литературы

В статье рассматриваются малоизвестные факты биографии А. С. Пушкина. Автор рассуждает о событиях 1820 г., предшествовавших отъезду поэта в Южную ссылку.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, даты, дуэль, клевета, честь

Долгое время из-за отсутствия убедительных комментариев оставляли в моей душе беспокойство два эпизода из жизни А. С. Пушкина. Оказалось, что если брать их не автономно, независимо друг от друга, а в связке, во взаимодействии, все становится на свои места. Но – обо всем по порядку.

Факт первый. Не только к дуэлям, но даже и к дуэльным историям в жизни А. С. Пушкина (под влиянием ее трагического финала) пушкиноведение проявило активный интерес, но тут наблюдалась такая странность. Поэт в черновике оставшегося неотправленным письма к Александру I (июль–сентябрь 1825 года) посчитал необходимым отметить, что гнусными сплетнями в начале 1820 года он «почувствовал себя опозоренным в общественном мнении», «я впал в отчаяние, *дрался на дуэли* – мне было 20 лет в 1820 (году)...» [3, т. 10, с. 617] (здесь и далее выделено мной – Ю. Н.). Дуэли запрещены законом, но факт для Пушкина настолько значим, что об этом царю (блюстителю законов), пусть в набросках неотправленного письма, следует признание в серьезном нарушении закона. Но именно дуэль 1820 года долго оставалась самой загадочной дуэлью Пушкина.

Факт второй. «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» фиксирует [1, с. 208], что поэт отправлен в ссылку 6 мая 1820 года. Но сам поэт, который в эту пору дневников не вел, позже оставил памятную запись: «9 мая <1821>. Вот уже ровно год, как я оставил Петербург» [3, т. 8, с. 16]. Невелика разница – в три дня, только ведь речь идет не о маловажном бытовом эпизоде, а о знаковом событии в жизни поэта. Свою дату Пушкин будет помнить твердо. Начало работы над «Евгением Онегиным» будет помечено двумя датами – «9 мая» и «28 мая ночью»: это событие 1823 года. Но именно от первой указанной здесь даты, третьей годовщины начала ссылки, будет вестись отсчет, когда поэту станет интересно, сколько времени он провел за работой над романом в стихах.

Но, может быть, «онегинское» «9 мая» само по себе? Обратимся еще к одной ассоциации. В 1828 году написано стихотворение «Предчувствие». Переживаемый духовный дискомфорт может не иметь отчетливых ассоциативных привязок к конкретному событию; в «Предчувствии» поводом переживания выступают внешние обстоятельства.

*Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне... [3, т. 3, с. 69].*

Пониманию «Предчувствия» помогает вид черновой рукописи стихотворения. Предшествующая запись носит памятный характер: «9 мая 1828. Море. Ол<енины>. Дау» [3, т. 8, с. 15]. Это отзвук поездки в Кронштадт. 25 мая, в канун дня рождения поэта, поездка в Кронштадт была повторена: среди участников поездки были Грибоедов и Вяземский. Тем же карандашом, которым написаны начальные строки стихотворения, Пушкин дважды рисует профили Грибоедова, рисунок задевает памятную запись. Портреты Грибоедова органичны по ассоциации с текстом «Предчувствия». В совместной морской прогулке оба Александра Сергеевича выделялись своим настроением среди шумной и веселой компании, предчувствие томило обоих. Грибоедов уезжал в Персию – и ждал трагического конца. Собирались тучи и над Пушкиным: поэт не преувеличил опасности.

Грибоедовские ассоциации в «Предчувствии», взаимодействие рисунков и текста отмечались в пушкиноведении. Но с текстом стихотворения связана (даже, может быть, его провоцирует) и памятная запись: могло ли быть, что взгляд поэта игнорировал дату, которая была перед его глазами? Но дело в том, что эта дата исключительно значима в жизни поэта: 9 мая 1820 года (по его датировке!) – начало его ссылки, 9-м мая 1823 года поэт пометил начало работы над «Евгением Онегиным». Ассоциации с первой ссылкой могли прийти каким угодно, даже причудливым, неуловимым образом, когда он писал «Предчувствие», но нужно ли предполагать сложные пути, когда перед глазами столь памятная дата: 9 мая...

Пушкин не мог знать, как начало ссылки будут датировать его биографы, но для самого себя эта дата была устойчивой и твердой.

Но и датировка «Летописи...» основана на серьезных источниках. Близкий к Пушкину А. И. Тургенев 5 мая сообщает Вяземскому: «Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем» [1, с. 208]. 5 мая Пушкин получает подорожную на проезд (надо полагать, с прибавлением тысячи рублей «на курьерские отправления», приказ о чем Нессельроде подписал 4 мая) [1, с. 208].

Расхождение в датировках С. А. Фомичев пробует объяснить бытовым недоразумением: распоряжения могут выдаваться, да не всегда точно исполняться: «...мало ли что могло произойти за день и помешать отъезду в установленный срок! Заметим, что 6 мая 1820 г. отмечался большой церковный праздник, который почитался поэтом особо: на Вознесенье он двадцатью одним годом ранее родился. Вполне возможно, что Пушкин задержал отъезд, чтобы провести этот день с семьей» [4, с. 22]. С. А. Фомичев – серьезный исследователь, но тут допускает необъяснимую ошибку, перенося дату рождения поэта с 26 на 6 мая. «Странная вещь! Непонятная вещь!» – только и остается повторить восклицание Пушкина в одном из писем к Плетневу.

К иронии С. А. Фомичева над прогнозирующими сообщениями («мало ли что могло произойти...») можно было бы отнестись доверчиво (примеров

российской неаккуратности достаточно), но свидетельствует о *совершившемся* действии очень компетентный человек – почт-директор К. Я. Булгаков. Он пишет 7 мая брату А. Я. Булгакову из Петербурга в Москву: «Пушкин-поэт, поэтов племянник, *вчера* уехал в Крым. Скажи об этом поэту-дяде» [1, с. 209]. Вроде бы не в Крым отправлен Пушкин? Но обмолвка значимая: это уже знак, что генералу Раевскому, собирающемуся в путешествие по югу России с сыном и двумя дочерьми, дано разрешение прихватить с собой и Пушкина. Этот факт находит подкрепление. 7 мая Ек. Н. Раевская в приписке к письму к А. Н. Раевскому в Киев объясняет, почему посылает письмо по почте: «Мама забыла послать это письмо с Пушкиным» (подлинник по-французски) [1, с. 209]. Тут и косвенное подтверждение: 7 мая Пушкина уже нет в столице.

В разное с датировкой отъезда Пушкина на юг наблюдается такой редкий случай, когда правыми оказались обе стороны. Пушкин покинул Петербург, как это ему было и предписано, 6 мая. Но убыл он не в ссылку. Прежде ему надо было решить один личный вопрос.

Тут мы вернемся к первому неясному факту и посмотрим, как он излагается все в той же «Летописи...». Временная привязка не мотивирована и не отчетлива: «Январь». Сообщается следующее: «Пушкин “последним” узнает от Катенина о слухе, позорящем его (Пушкина)... будто бы он был отвезен в тайную канцелярию и высечен. Пушкин дерется по этому поводу *с кем-то неизвестным* на дуэли...» [1, с. 197].

Я полагаю, что установить соперника Пушкина было при желании не так уж трудно – пушкиноведы успешно решали задачи посложнее. Но в советские годы открывающаяся истина воспринималась шокирующей и не побуждала к ее установлению. А. С. Пушкин вызывал на дуэль К. Ф. Рылеева.

Ныне этот факт перестал быть потаенным. Наиболее подробно (и, что особенно ценно, с необходимой деликатностью в отношении к обоим партнерам) эта дуэльная история изложена поэтом и исследователем Андреем Черновым [5]

У Рылеева не было недобрых чувств по отношению к Пушкину, не было самой мысли, что его поступок нечаянно обижает поэта: Рылеев громко возмутился деспотизмом, произволом властей... и тем самым признал истинной гулявшую по городу и обидную для Пушкина сплетню. Сразу отреагировать Пушкин не мог: когда он узнал про все это, Рылеева не было в столице. Но не забылось и не простилось.

Упомянувшееся «летописное» сообщение об отбытии Пушкина из Петербурга датируется 6 мая, но со знаком вопроса. Текст сообщения примечателен: «Отъезд Пушкина в сопровождении дядьки Никиты Козлова из Петербурга в Екатеринослав с Дельвигом и П. Л. Яковлевым, провожающими Пушкина до Царского Села» [1, с. 209]. Желающие могут нарисовать в своем воображении сентиментальную картину: Пушкин и Дельвиг совершают молчаливо красноречивую прогулку в Царскосельском парке, перед разлукой обнимаются в виду лицейской обители. А. Чернов сопровождающих воспринимает иначе – и точнее: вот и выбранные Пушкиным секунданты. Подтверждает это и такая деталь: вполне уместно слегка притеняет здесь уж слишком нарочитый лицейский колорит то обстоятельство, что второй провожающий – не М. Л. Яковлев, лицейский «староста», а его брат П. Л.

Яковлев. И проводы поэта состоялись не до Царского Села, а чуть дальше, до почтовой станции Выра. Ныне там Музей станционного смотрителя: дело хорошее для демонстрации рудимента старины, но оно сбивает с толку созвучием с именем пушкинского персонажа. Пушкинский Самсон Вырин «жил» далековато от этих мест: для того, чтобы прогуляться пешочком до столицы, ему пришлось исхлопотать отпуск на два месяца.

Нашим путешественникам данная станция была весьма кстати: неподалеку усадьба Батово, родовое гнездо Рылеевых... Нечто относящееся к пушкинской биографии происходило здесь 6 – 9 мая 1820 года – это не гипотеза, а факт. Доказательством служит размышление Пушкина в письме к Бестужеву (вполне очевидному участнику отмечаемой истории) 24 марта 1825 года, где шуткой поэт смягчает высокую оценку таланта Рылеева: «...он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел к тому случай – да чёрт его знал» [3, т. 10, с. 104]. В последних словах – отсылка к единственной дуэльной истории Пушкина с Рылеевым, других не было (в примечаниях собрания сочинений факт не комментируется). Ах, какие-то слова даже в шутку произносить не следует: судьба подслушала, через год с небольшим с Рылеевым расправилось правительство.

Никаких подробностей посещения Пушкиным Батова не сохранилось. Единственное, что можно констатировать со всей определенностью, – оба дуэлянта не пострадали. Не известно, дошло ли дело до самой дуэли (в черновике письма к царю сказано категорично: «*дрался на дуэли*»), или вызов завершился примирением. У противников не было заведомой установки на кровавую дуэль, но трудно определить, куда обоих могла завести принципиальность в вопросах чести. Обошлось.

Вот куда подевались три дня, образовавшие разницу между двумя датировками начала южной ссылки Пушкина. Официальная дата – 6 мая; но Пушкин и в самом деле покинул Петербург этим числом (другое дело, что еще вольным человеком, движимым законом чести). 9 мая путешествие было продолжено уже «по казенной надобности». Но год спустя в памятной записи Пушкин внятно отметил, что 9 мая он покинул *Петербург*. А мы бы хотели, чтобы поэт записал: покинул Выру (или Батово)? Поэту нужно было пометить *начало ссылки* (по его счету), что он и сделал. В расшифровке секретов (сопутствующих обстоятельств) он до поры до времени не нуждался.

Применительно к стихотворению «Предчувствие» возникла потребность уловить ход пушкинских ассоциаций, но что сами ассоциации существуют, в том нет сомнений: они выражены четко и определенно:

Сохраню ль к судьбе презренье?

Понесу ль навстречу ей

Непреклонность и терпенье

Гордой юности моей? [3, т. 3, с. 69].

Так что тут возникает новый вопрос: в чем состоит гордость былого поведения Пушкина? Отвечая на него, мы выходим на еще одно своеобразие «предссылочной» ситуации, которое оставалось в тени. О произволе и нетерпимости властей писалось много – и не замечалось, что Пушкин по сути провоцировал ссылку (подробнее об этом см. [2, 148–150]). Поэту надо было

пресечь порочившие его сплетни. Как это сделать? Признание находим все в том же черновике письма к царю: «Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне, как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести» [3, т. 10, с. 617]. За одну вину дважды не наказывают: реальное наказание уничтожило придуманное клеветой. Накладно было менять веселый столичный образ жизни на жизнь в захолустье, но честь была дороже.

Написанное в черновике письма к царю подтверждается. Поэт говорит о своем дерзком поведении – можно сослаться на записки И. И. Пущина о выходе поэта в театр. При этом нет надобности представлять его наивным, доверчивым простачком. В его откровенности перед Милорадовичем заметно нечто демонстративное. Царю поэт представлял дерзость своих писаний как нарочитую; под этой маркой могло проходить и то, что было написано ранее. Пушкину необходимо было официальное наказание, а вовсе не его строгость; отсюда двойной расклад. С помощью друзей-заступников поэт добился смягчения участи.

Крайне неприятная полоса жизни поэта длиною в несколько месяцев выявляет его с самых разных сторон. Огненный темперамент? Как же без него! Первый импульс – застрелиться, ибо обещанному нельзя жить. Только и здравый смысл в самых отчаянных ситуациях поэта не покидал. Трагедию предотвратила холодная мысль: эксцентрическая акция не опровергнет, а подтвердит клевету, ибо даст ей иное объяснение. Еще увидим, что поэт раним и обидчив, и обиду не склонен прощать.

Пушкин уезжал в ссылку с противоречивыми чувствами. Оставляло саднящий след обстоятельство, что ссылку пришлось схлопотать, а ссылка – не подарок. Но оно же давало основание для гордого самоощущения: ссылка могла восприниматься добровольным разрывом со светской чернью. «Я вас бежал...» – дважды заявлено в первой южной элегии «Погасло дневное светило» [3, т. 2, с. 35]. Годом позже, в послании «К Овидию», Пушкин скажет о себе: «А я, изгнанник самовольный...» [3, т. 2, с. 63]. Каков оксюморон! Но придет срок, когда поэт воспримет себя таким, каким и был – «ссылочным невольником» [3, т. 10, с. 71].

Список литературы

1. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина (1799–1826) [Текст] ; сост. М. А. Цявловский ; изд. второе, исправл. и дополн. – Л. : Наука, 1991. – 785 с.
2. Никишов, Ю. М. Даль свободного романа: Творческая история «Евгения Онегина» [Текст] / Ю. М. Никишов. – Тверь: ТвГУ ; изд-во Марины Батасовой, 2013. – 560 с.
3. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / А. С. Пушкин ; под ред. Томашевского ; 4-е изд. – Л. : Наука, 1977–1979. – 5568 с.
4. Фомичев, С. А. «Евгений Онегин»: Движение замысла [Текст] / С. А. Фомичев. – М. : Русский путь, 2005. – 176 с.
5. Чернов, А. Длятся ночи декабря. Поэтическая тайнопись: Пушкин – Рылеев – Лермонтов [Текст] / А. Чернов. – СПб. ; М. : Летний сад, 2008. – 304 с.

TWO AMBIGUITIES IN PUSHKIN'S BIOGRAPHY

Y. M. Nickishov

Tver State University

The department of history Russian literature

The article examines the little-known facts of the biography of A. S. Pushkin. The author tells about the events of 1820, prior to the departure of the poet in South link.

Key words: *A. S. Pushkin, date, duel, slander, honor*

Об авторах:

НИКИШОВ Юрий Михайлович доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yunik1932@mail.ru